

Белла
АХМАДУЛИНА

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
В ОДНОМ ТОМЕ

Издательство
АЛЬФА-КНИГА
Москва
2012

УДК 821.161.1
ББК 84.(2Рос=Рус)6-5
А95

Серия основана в 2007 году

Составители
Борис Мессерер и Татьяна Алешка

Ахмадулина Б. А.
А95 Полное собрание сочинений в одном томе. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 856 с.: ил. — (Полное собрание в одном томе).

ISBN 978-5-9922-1077-4

В одном томе собрано все поэтическое и прозаическое наследие одной из самых талантливых, проникновенных и лирических русских поэтесс — Беллы Ахатовны Ахмадулиной (1937 — 2010).

УДК 821.161.1
ББК 84.(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-9922-1077-4

© Б. Ахмадулина. Наследники. 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

СТИХОТВОРЕНИЯ

1954—1979

НОВАЯ ТЕТРАДЬ

Смущаюсь и робею пред листом
бумаги чистой.
Так сто́ит паломник
у входа в храм.
Пред девичьим лицом
так опытный потупится поклонник.

Как будто школьник, новую тетрадь
я озираю алчно и любовно,
чтобы потом пером ее терзать,
марая ради замысла любого.

Чистописанья сладостный урок
недолог. Перевернута страница.
Бумаге белой нанеся урон,
бесчинствует мой почерк и срамится.

Так в глубь тетради, словно в глубь лесов,
я безрассудно и навечно кану,
одна среди сияющих листов
неся свою ликующую кару.

1954

* * *

Дождь в лицо и ключицы,
и над мачтами гром.
Ты со мной приключился,
словно шторм с кораблем.

То ли будет, другое...
Я и знать не хочу —
разобьюсь ли о горе,
или в счастье влечу.

Мне и страшно, и весело,
как тому кораблю...
Не жалею, что встретила.
Не боюсь, что люблю.

1955

ЦВЕТЫ

Цветы росли в оранжерее.
Их охраняли потолки.
Их корни сытые жирели,
и были лепестки тонки.

Им подсыпали горький калий
и множество других солей,
чтоб глаз анютин желто-карий
смотрел круглей и веселей.

Цветы росли в оранжерее.
Им дали света и земли
не потому, что их жалели
или надолго берегли.

Их дарят празднично на память,
но мне — мне страшно их судьбы,
ведь никогда им так не пахнуть,
как это делают сады.

Им на губах не оставаться,
им не раскачивать шмеля,
им никогда не догадаться,
что значит мокрая земля.

1956

НЕВЕСТА

Хочу я быть невестой,
красивой, завитой,
под белою навесной
застенчивой фатой.

Чтоб вздрагивали руки
в колечках ледяных,
чтобы сходились рюмки
во здравье молодых.

Чтоб каждый мне поддакивал,
пророчил сыновей,
чтобы друзья с подарками
стеснялись у дверей.

Сорочки в целлофане,
тарелки, кружева...
Чтоб в щёку целовали,
пока я не жена.

Платье мое белое
заплакано вином,
счастливая и бедная
сিжу я за столом.

Страшно и заманчиво
то, что впереди.
Плачет моя мамочка, —
мама, погоди.

...Наряд мой боярский
скинут на кровать.
Мне хорошо бояться
тебя поцеловать.

Громко стулья ставятся
рядом, за стеной...
Что-то дальше станется
с тобою и со мной?..

1956

* * *

Мне скакать, мне в степи озираться,
разорять караваны во мгле.
Незапамятный дух азиатства
до сих пор колобродит во мне.

Мне доступны иные мученья.
Мой шатер одинок, нелюдим.
Надо мною восходят мечети
полумесяцем белым, кривым.

Я смеюсь, и никто мне не пара,
но с заката вчерашнего дня
я люблю узколищего парня
и его дорогого коня.

Мы в костре угольки шуровали,
и протяжно он пел над рекой,
задевая мои шаровары
дерзновенной и сладкой рукой.

Скоро этого парня заброшу,
закричу: «До свиданья, Ахат!»
Полюблю я султана за брошку,
за таинственный камень агат.

Нет, не зря мои щёки горели,
нет, не зря загнала я коня —
сорок жён изведутся в гареме,
не заденут и пальцем меня.

И опять я лечу неотрывно
по степи, по ее ширине...
Надо мною колдует надрывно
и трясет бородой шурале...

1956

ПАВЛУ АНТОКОЛЬСКОМУ

I

Официант в поношенном крахмале
опасливо глядит издалека,
а за столом — цветут цветы в кармане
и молодость снедает старика.

Он — не старик. Он — семь чертей пригожих.
Он, палкою по воздуху стуча,
летит мимо испуганных прохожих,
едва им доставая до плеча.

Он — десять дровосеков с топорами,
дай помахать и хлебом не корми!
Гасконский, что ли, это темперамент
и эти загорания в крови?

Да что считать! Не поддается счёту
тот, кто — один. На белом свете он —
один всего лишь. Но заглянем в щёлку.
Он — девять дэвов, правда, мой Симон?

Я пью вино, и пьёт старик бедовый,
потрескивая на манер огня.
Он — не старик. Он — перезвон бидонный.
Он — мускулы под кожей коня.

Всё — чепуха. Сидит старик усталый.
Движение есть расточенье сил.
Он скорбный взгляд в далекое уставил.
Он старости, он отдыха просил.

А жизнь — тревога за себя, за младших,
неисполненье давешних надежд.

А где же — Сын? Где этот строгий мальчик,
который вырос и шинель надел?

Вот молодые говорят степенно:
как вы бодры... вам сорока не дашь...
Молчали бы, летая по ступеням!
Легко ль... на пятый... возойти... этаж...

Но что-то — есть: настойчивей! крылатей!
То ль всплеск воды, то ль проблеск карасей!
Оно гудит под пологом кровати,
закруживая, словно карусель.

Ах, этот стол запляшет косоного,
ах, всё, что есть, оставит позади.
Не иссякай, бессмертный Казанова!
Девчонку на колени посади!

Бесчинствуй и пофыркивай моторно.
В чужом доме плачь домовым в трубе.
Пусть женщина, капризница, мотовка,
тебя целует и грозит тебе.

Запри ее! Пускай она стучится!
Нет, отпусти! На тройке прокати!
Всё впереди, чему должно случиться!
Оно еще случится. Погоди.

1956

II

Двадцать два, значит, года тому
дню и мне восемнадцатилетней,
или сколько мне — в этой, уму
ныне чуждой поре, предпоследней
перед жизнью, последним, что есть...
Кахетинского яства нарядность,
о, глядеть бы! Но сказано: ешь.
Я беспечна и ем ненаглядность.
Это всё происходит в Москве.
Виноград — подношенье Симона.
Я настолько моложе, чем все
остальные, настолько свободна,
что впервые сидим мы втроем,
и никто не отторгнут могилой,
и еще я зову стариком
Вас, ровесник мой младший и милый.

1978

* * *

Он приготовил пистолет,
свеча качнулась, продержалась.
Как тяжело он постарел.
Как долго это продолжалось.

И вспомнил он издалека —
там, за пределом постаренья,
знамена своего полка,
сверканья, трубы, построенья.

Не радостно ему стареть.
Вчера побрел, побрел далеко
на первый ледоход смотреть,
стоял там долго, одиноко.

Потом отправился домой,
шаги тяжелые замедлил
и вдруг заметил, Боже мой,
вдруг эту женщину заметил.

И вспомнилось — давным-давно
гроза, глубокий след ботинка,
её плечо обведено
оборкой белого батиста.

Зачем она среди весны
о той весне не вспоминала,
стояла просто у стены,
такая жалкая стояла.

И вот смертельный этот гром
раздастся, задевая рюмки,
и страшно упадут на гроб
жены его большие руки.

Придёт его бесстыдный друг,
успевший прочесть в газете.
Для утешенья этих рук
он поцелует руки эти.

Они нальют ему вина,
и взглянет он непринужденно,
как на подушке ордена
горят мертво и отчужденно.

<1956>

ГРУЗИНСКИХ ЖЕНЩИН ИМЕНА

Там в море паруса плутали,
и, непричастные жаре,
медлительно цвели платаны
и осыпались в ноябре.

Мешались гомоны базара,
и обнажала высота
переплетения базальта
и снега яркие цвета.

И лавочка в старинном парке
бела вставала и нема,
и смутно виноградом пахли
грузинских женщин имена.

Они переходили в лепет,
который к морю выбегал
и выплывал, как черный лебедь,
и странно шею выгибал.

Смеялась женщина Ламара,
бежала по камням к воде,
и каблучки по ним ломала,
и губы красила в вине.

И мокли волосы Медеи,
вплетаясь утром в водопад,
и капли сохли, и мелели,
и загорались невпопад.

И, заглушая олеандры,
собравши всё в одном цветке,
вitalo имя Ариадны
и растворялось вдалеке.

Едва опершийся на сваи,
там приникал к воде причал.
«Цисана!» — из окошка звали,
«Натэла!» — голос отвечал...

1957

* * *

Смеясь, ликуя и бунтуя,
в своей безвыходной тоске,
в Махинджаури, под Батуми,
она стояла на песке.

Она была такая гордая —
вообразив себя рекой,
она входила в море голая
и море трогала рукой.

Освободясь от ситцев лишних,
так шла и шла наискосок.
Она расстегивала лифчик,
чтоб сбросить лифчик на песок.

И вид ее предплечья смутного
дразнил и душу бередил.
Там белое пошло по смуглому,
где раньше ситец проходил.

Она смеялась от радости,
в воде ладонями плеща,
и перекатывались радуги
от головы и до плеча.

1957

* * *

Вот звук дождя как будто звук домбры —
так тренькает, так ударяет в зданья.
Прохожему на площади Восстанья
я говорю: — О, будьте так добры.

Я объясняю мальчику: — Шали. —
К его курчавой головёнке никну
и говорю: — Пусти скорее нитку,
освободи зеленые шары.

На улице, где публика галдит,
мне белая встречается собака,
и взглядом понимающим собрата
собака долго на меня глядит.

И в магазине, в первом этаже,
по бледности я отличаю скрягу.
Облюбовав одеколону склянку,
томится он под вывеской «Тэжэ».

Я говорю: — О, отвлекись скорей
от жадности своей и от подагры,
прибери богатые подарки
и отнеси возлюбленной своей.

Да, что-то не везёт мне, не везёт.
Меж мальчиков и девочек пригожих
и взрослых, чем-то на меня похожих,
мороженого катится возок.

Так прохожу я на исходе дня.
Теней я замечаю удлинение,
а также замечаю удивление
прохожих, озирающих меня.

1957

* * *

О, еще с тобой случится
всё — и молодость твоя.
Когда спросишь: «Кто стучится?»
Я отвечу: «Это я!»

Это я! Ах, поскорее
выслушай и отвори.
Стихнули и постарели
плечи бедные твои.

Я нашла тебе собрата —
листик с веточки одной.
Как же ты стареть собрался,
не советуясь со мной!

Ах, да вовсе не за этим
я пришла сюда одна.
Это я — ты не заметил.
Это я, а не она.

Над примятою постелью,
в сумраке и тишине,
я оранжевой пастелью
рисовала на стене.

Рисовала сад с травой,
человечка с головой,
чтобы ты спросил с тревогой:
«Это кто еще такой?»

Я отвечу тебе строго:
«Это я, не спорь со мной.
Это я — смешной и стройный
человечек с головой».

Поиграем в эту шалость
и расплачемся над ней.

Позабудем мою жалость,
жалость к старости твоей.

Чтоб ты слушал и смирялся,
становился молодой,
чтобы плакал и смеялся
человечек с головой.

1957

* * *

Не уделяй мне много времени,
вопросов мне не задавай.
Глазами добрыми и верными
руки моей не задевай.

Не проходи весной по лужицам,
по следу следа моего.
Я знаю — снова не получится
из этой встречи ничего.

Ты думаешь, что я из гордости
хожу, с тобою не дружу?
Я не из гордости — из горести
так прямо голову держу.

1957

ЖАЛЕЙКА

Я уеду ранним утром
наставленьям вопреки,
я проснусь в домишке углом
возле пасмурной реки.

Залюбуюсь сивым дедом,
что проходит босиком.
Ах, откройте, что он сделал
с тем зелёным тростником.

Он спускается с пригорка,
бабы смотрят из ворот.
Так ли тонко, так ли горько
та тростиночка поёт?

Я стою с тяжёлой лейкой,
спелых грядок не полью.
Пожалей меня, жалейка,
что я песен не пою.

Я болею, я устала,
оттого и не могу.
Промычало мимо стадо,
запестрело на лугу...

Водят кони вострым ухом,
дождь пузырится у ног,
и метёт лебяжьим пухом
тополиный ветерок.

А по тёплым тем сугробам,
по глубокой той воде
всё идёт с лицом суровым
дед с тростинкой в бороде.

<1957>

СНЕГУРОЧКА

Что так Снегурочку тянуло
к тому высокому огню?
Уж лучше б в речке утонула,
попала под ноги коню.

Но голубым своим подолом
вспорхнула — ноженьки видны —
и нет ее. Она подобна
глотку оттаявшей воды.

Как чисто с воздухом смешалась,
и кончилась ее пора.
Играть с огнем — вот наша шалость,
вот наша древняя игра.

Нас цвет оранжевый так тянет,
так нам проходу не дает.
Ему поддавшись, тело тает
и телом быть перестает.

Но пуще мы огонь раскурим
и вовлечем его в игру,
и снова мы собой рискуем
и доверяемся костру.

Вот наш удел еще невидим,
в дыму еще неразличим.
То ль из него живыми выйдем,
то ль навсегда сольемся с ним.

1958

МАЗУРКА ШОПЕНА

Какая участь нас постигла,
как повезло нам в этот час,
когда бегущая пластинка
одна лишь разделяла нас!

Сначала тоненько шипела,
как уж, изъятый из камней,
но очертания Шопена
приобретала всё слышней.

И забирала круче, круче,
и обещала: быть беде,
и расходились эти круги,
как будто круги по воде.

И тоненькая, как мензурка
внутри с водицей голубой,
стояла девочка-мазурка,
покачивая головой.

Как эта, с бедными плечами,
по-польски личиком бела,
развела мои печали
и на себя их приняла?

Она протягивала руки
и исчезала вдалеке,
сосредоточив эти звуки
в иглой исчерченном кружке.

1958

ЛУНАТИКИ

Встает луна, и мстит она за муки
надменной отдаленности своей.
Лунатики протягивают руки
и обреченно следуют за ней.

На крыльях одичалого сознанья,
весомостью дневной утомлены,
летят они, прозрачные созданья,
прислушиваясь к отсветам луны.

Мерцая так же холодно и скупю,
взамен не обещая ничего,
влечет меня далекое искусство
и требует согласия моего.

Смогу ли побороть его мученья
и обаянье всех его примет
и вылепить из лунного свеченья
тяжелый, осязаемый предмет?..

1958

* * *

Живут на улице Песчаной
два человека дорогих.
Я не о них.
Я о печальной
неведомой собаке их.

Эта японская порода
ей так расставила зрачки,
что даже страшно у порога —
как их раздумья глубоки.

То добрый пес. Но, замирая
и победительно сопя,
надменным взглядом самурая
он сможет защитить себя.

Однажды просто так, без дела
одна пришла я в этот дом,
и на диване я сидела,
и говорила я с трудом.

Уставив глаз свой самоцветный,
всё различавший в тишине,
пёс умудренный семилетний
сидел и думал обо мне.

И голова его мигала.
Он горестный был и седой,
как бы поверженный микадо,
усталый и немолодой.

Зовется Тошкой пёс. Ах, Тошка,
ты понимаешь всё. Ответь,
что так мне совестно и тошно
сидеть и на тебя глядеть?

Всё тонкий нюх твой различает,
угадывает наперед.
Скажи мне, что нас разлучает
и всё ж расстаться не дает?

1958

АВГУСТ

Так щедро август звёзды расточал.
Он так бездумно приступал к владению,
и обращались лица ростовчан
и всех южан — навстречу их паденью.

Я добрую благодарю судьбу.
Так падали мне на плечи созвездья,
как падают в заброшенном саду
сирени неопрятные соцветья.

Подолгу наблюдали мы закат,
соседей наших клавиши сердили,
к старинному роялю музыкант
склонял свои печальные седины.

Мы были звуки музыки одной.
О, можно было инструмент расстроить,
но твоего созвучия со мной
нельзя было нарушить и расторгнуть.

В ту осень так горели маяки,
так недалёко звёзды пролегли,
бульварами шагали моряки,
и девушки в косынках пробегали.

Всё то же там паденье звёзд и зной,
всё так же побережье неизменно.
Лишь выпали из музыки одной
две ноты, взятые одновременно.

1958

* * *

По улице моей который год
звучат шаги — мои друзья уходят.
Друзей моих медлительный уход
той темноте за окнами угоден.

Запущены моих друзей дела,
нет в их домах ни музыки, ни пенья,
и лишь, как прежде, девочки Дега
голубенькие оправляют перья.

Ну что ж, ну что ж, да не разбудит страх
вас, беззащитных, среди этой ночи.
К предательству таинственная страсть,
друзья мои, туманит ваши очи.

О одиночество, как твой характер крут!
Посверкивая циркулем железным,
как холодно ты замыкаешь круг,
не внемля увереньям бесполезным.

Так призови меня и награди!
Твой баловень, обласканный тобою,
утешусь, прислонясь к твоей груди,
умоюсь твоей стужей голубою.

Дай стать на цыпочки в твоём лесу,
на том конце замедленного жеста
найти листву, и поднести к лицу,
и ощутить сиротство, как блаженство.

Даруй мне тишь твоих библиотек,
твоих концертов строгие мотивы,
и — мудрая — я позабуду тех,
кто умерли или доселе живы.

И я познаю мудрость и печаль,
свой тайный смысл доверят мне предметы
Природа, прислонясь к моим плечам,
объявит свои детские секреты.

И вот тогда — из слёз, из темноты,
из бедного невежества бывшего
друзей моих прекрасные черты
появятся и растворятся снова.

1959

* * *

В тот месяц май, в тот месяц мой
во мне была такая лёгкость
и, расстилаясь над землей,
влекла меня погоды лётность.

Я так щедра была, щедра
в счастливом предвкушеньи пенья,
и с легкомыслием щегла
я окунала в воздух перья.

Но, слава Богу, стал мой взор
и пронизательней, и строже,
и каждый вздох и каждый взлет
обходится мне всё дороже.

И я причастна к тайнам дня.
Открыты мне его явления.
Вокруг оглядываюсь я
с усмешкой старого еврея.

Я вижу, как грачи галдят,
над черным снегом нависая,
как скушно женщины глядят,
склонившиеся над вязаньем.

И где-то, в дудочку дудя,
не соблюдая клумб и грядок,
чужое бегает дитя
и нарушает их порядок.

1959

НЕЖНОСТЬ

Так ощутима эта нежность,
вещественных полна примет.
И нежность обретает внешность
и воплощается в предмет.

Старинной вазою зеленой
вдруг станет на краю стола,
и ты склонишься удивленный
над чистым омутом стекла.

Встревожится квартира ваша,
и будут все поражены.
— Откуда появилась ваза? —
ты строго спросишь у жены. —

И антиквар какую плату
спросил? —
О, не кори жену —
то просто я смеюсь и плачу
и в отдалении живу.

И слёзы мои так стеклянны,
так их паденья тяжелы,
они звенят, как бы стаканы,
разбитые среди тишины.

За то, что мне тебя не видно,
а видно — так на полчаса,
я безобидно и невинно
свершаю эти чудеса.

Вдруг облаком тебя покроет,
как в горних высях повелось.
Ты закричишь: — Мне нет покою!
Откуда облако взялось?

Но суеверно, как крестьянин,
не бойся, «чур» не говори —
то нежности моей кристаллы
осели на плечи твои.

Я так немудрено и нежно
наколдовала в стороне,
и вот образовалось нечто,
напоминая обо мне.

Но по привычке добрых бестий,
опять играя в эту власть,
я сохраню тебя от бедствий
и тем себя утешу всласть.

Прощай! И занимайся делом!
Забудется игра моя.
Но сказки твоим малым детям
останутся после меня.

1959

НЕСМЕЯНА

Так и сижу — царевна Несмеяна,
ем яблоки, и яблоки горчат.
— Царевна, отвори нам! Нас немало! —
под окнами прохожие кричат.

Они глядят глазами голубыми
и в горницу являются гурьбой,
здороваются, кланяются, имя
«Царевич» говорят наперебой.

Стоят и похваляются богатством,
проходят, златом-серебром звеня.
Но вам своим богатством и бахвальством,
царевичи, не рассмешить меня.

Как ум моих царевичей напрягся,
стараясь ради красного словца!
Но и сама слышу я не напрасно
глупей глупца, мудрее мудреца.

Кричат они: — Какой верна присяге,
царевна, ты — в суровости своей? —
Я говорю: — Царевичи, присядьте.
Царевичи, по стойте у дверей.

Зачем кафтаны новые надели
и шапки примеряли к головам?
На той неделе, о, на той неделе —
смеялась я, как не смеяться вам.

Входил он в эти низкие хоромы,
сам из татар, гулявших по Руси,
и я кричала: «Здравствуй, мой хороший!
Вина отведай, хлебом закуси».

— А кто он был? Богат он или беден?
В какой он проживает стороне? —
Смеялась я: — Богат он или беден,
румян иль бледен — не припомнить мне.

Никто не покарает, не измерит
вины его. Не вышло ни черта.
И всё же он, гуляка и изменник,
не вам чета. Нет. Он не вам чета.

1959

МОТОРОЛЛЕР

Завиден мне полёт твоих колес,
о мотороллер розового цвета!
Слежу за ним, не унимая слёз,
что льют без повода в начале лета.

И девочке, припавшей к седоку
с ликующей и гибельной улыбкой,
кажусь я приникающей к листку,
согбенной и медлительной улиткой.

Прощай! Твой путь лежит поверх меня
и меркнет там, в зеленых отдаленьях.
Две радуги, два неба, два огня,
бесстыдница, горят в твоих коленях.

И тело твое светится сквозь плащ,
как стебель тонкий сквозь стекло и воду.
Вдруг из меня какой-то странный плач
выпархивает, пискнув, на свободу.

Так слабенький твой голосок поет,
и песенки мотив так прост и вечен.
Но, видишь ли, веселый твой полёт
недвижностью моей уравновешен.

Затем твои качели высоки
и не опасно головокруженье,
что по другую сторону доски
я делаю обратное движенье.

Пока ко мне нисходит тишина,
твой шум летит в лужайках отдаленных.
Пока моя походка тяжела,
подъемлешь ты два крылышка зеленых.

Так проносись! — покуда я стою.
Так лепечи! — покуда я немею.
Всю легкость поднебесную твою
я искупаю тяжестью своею.

1959

АВТОМАТ С ГАЗИРОВАННОЙ ВОДОЙ

Вот к будке с газированной водой,
всех автоматов баловень надменный,
таинственный ребенок современный
подходит, как к игрушке заводной.

Затем, самонадеянный фантаст,
монету влажную он опускает в щёлку
и, нежным брызгам подставляя щёку,
стаканом ловит розовый фонтан.

О, мне б его уверенность на миг
и фамильярность с тайною простою!
Но нет, я этой милости не стою:
пускай прольется мимо рук моих.

А мальчуган, причастный чудесам,
несет в ладони семь стеклянных граней,
и отблеск их летит на красный гравий
и больно ударяет по глазам.

Робея, я сама вхожу в игру,
и поддаюсь с блаженным чувством риска
соблазну металлического диска,
и замираю, и стакан беру.

Воспрянув из серебряных оков,
родится омут сладкий и солёный,
неведомым дыханьем населенный
и свежей толчёёю пузырьков.

Все радуги, возникшие из них,
пронзают нёбо в сладости короткой,
и вот уже, разнеженный щекоткой,
семь вкусов спектра пробует язык.

И автомата темная душа
взирает с доброю старомодной,
словно крестьянка, что рукой холодной
даст путнику напиться из ковша.

1959

ТВОЙ ДОМ

Твой дом, не ведая беды,
меня встречал и в щёку чмокал.
Как будто рыба из воды,
сервиз выглядывал из стёкол.

И пёс выскакивал ко мне,
как галка, маленький, орущий,
и в беззащитном всеоружье
торчали кактусы в окне.

От неурядиц всей земли
я шла озябшим делегатом,
и дом смотрел в глаза мои
и добрым был и деликатным.

На голову мою стыда
он не навлёк, себя не выдал.
Дом клялся мне, что никогда
он этой женщины не видел.

Он говорил: — Я пуст. Я пуст. —
Я говорила: — Где-то, где-то... —
Он говорил: — И пусть. И пусть.
Входи и позабудь про это.

О, как боялась я сперва
платка или иной приметы,
но дом твердил свои слова,
перетасовывал предметы.

Он заметал ее следы.
О, как он притворился ловко,
что здесь не падало слезы,
не облокачивалось локтя.

Как будто тщательный прибор
смыл всё: и туфель отпечатки,
и тот пустующий прибор,
и пуговицу от перчатки.

Все сговорились: пёс забыл,
с кем он играл, и гвоздик малый
не ведал, кто его забил,
и мне давал ответ туманный.

Так были зеркала пусты,
как будто выпал снег и стоял.
Припомнить не могли цветы,
кто их в стакан гранёный ставил...

О дом чужой! О милый дом!
Прощай! Прошу тебя о малом:
не будь так добр. Не будь так добр.
Не утешай меня обманом.

1959

* * *

Опять в природе перемена,
окраска зелени груба,
и высится высокомерно
фигура белого гриба.

И этот сад собой являет
все небеса и все леса,
и выбор мой благословляет
лишь три любимые лица.

При свете лампы умирает
слепое тело мотылька
и пальцы золотом марает,
и этим брезгает рука.

Ах, Господи, как в это лето
покой в душе моей велик.
Так радуге избыток цвета
желать иного не велит.

Так завершенная окружность
сама в себе заключена
и лишнего штриха ненужность
ей незавидна и смешна.

1959

* * *

Нас одурачил нынешний сентябрь
с наивностью и хитростью ребенка.
Так повезло раскинутым сетям —
мы бьемся в них, как мелкая рыбёшка.

Нет выгоды мне видеться с тобой.
И без того сложны переплетенья.
Но ты проходишь, головой седой
оранжевые трогая растенья.

Я говорю на грани октября:
— О, будь неладен, предыдущий месяц.
Мне надобно свободы от тебя,
и торжества, и празднества, и мести.

В глазах от этой осени пестро.
И, словно на уроке рисованья,
прилежное пишу тебе письмо,
выпрашивая расставанья.

Гордилась я, и это было зря.
Опровергая прошлую надменность,
прошу тебя: не причиняй мне зла!
Я так на доброту твою надеюсь.

1959

* * *

Ты говоришь — не надо плакать.
А может быть, и впрямь, и впрямь
не надо плакать — надо плавать
в холодных реках. Надо вплавь

одолевать ночную воду,
плывущую из-под руки,
чтоб даровать себе свободу
другого берега реки.

Недаром мне вздыхалось сладко
в Сибири, в чистой стороне,

где доверительно и слабо
растенья никнули ко мне.

Как привести тебе примеры
того, что делалось со мной?
Мерцают в памяти предметы
и отдают голубизной.

Байкала потаенный омут,
где среди медленной воды
посверкивая ходит омуль
и пёрышки его видны.

И те дома, и те сараи,
заметные на берегах,
и цвета яркого саранки,
мгновенно сникшие в руках.

И в белую полосу чудо —
внезапные бурундуки,
так испытующе и чутко
в меня вперявшие зрачки.

Так завлекала и казнила
меня тех речек глубина.
Гранёная вода Кизира
была, как пламень, холодна.

И опровергнуто лукавство
мое и все слова твои
напоминающей лекарство
целебной горечью травы.

Припоминается мне снова,
что там, среди земли и ржи,
мне не пришлось сказать ни слова,
ни слова маленького лжи.

1959

* * *

Влечет меня старинный слог.
Есть обаянье в древней речи.
Она бывает наших слов
и современнее и резче.

Вскричать: «Полцарства за коня!» —
какая вспыльчивость и щедрость!

Но снизойдет и на меня
последнего задора тщетность.

Когда-нибудь очнусь во мгле,
навек проиграв сражение,
и вот придет на память мне
безумца древнего решенье.

О, что полцарства для меня!
Дитя, наученное веком,
возьму коня, отдам коня
за полмгновенья с человеком,

любимым мною. Бог с тобой,
о конь мой, конь мой, конь ретивый.
Я безвозмездно повод твой
ослаблю — и табун родимый

нагонишь ты, нагонишь там,
в степи пустой и порыжелой.
А мне наскучил тарарам
этих побед и поражений.

Мне жаль коня! Мне жаль любви!
И на манер средневековый
ложится под ноги мои
лишь след, оставленный подковой.

1959

СВЕТОФОРЫ

Геннадию Хазанову

Светофоры. И я перед ними
становлюсь, отступаю назад.
Светофор. Это странное имя.
Светофор. Святослав. Светозар.

Светофоры добры, как славяне.
Мне в лицо устремляют огни
и огнями, как будто словами,
умоляют: «Постой, не гони».

Благодарна я им за смешенье
этих двух разноцветных огней,
но во мне происходит смешенье
этих двух разноцветных кровей.

О, извечно гудел и сливался,
о, извечно бесчинствовал спор:
этот добрый рассудок славянский
и косой азиатский напор.

Видно, выход — в движенье, в движенье,
в голове, наклоненной к рулю,
в бесшабашном головокруженье
у обочины на краю.

И, откидываясь на сиденье,
говорю себе: «Погоди».
Отдаю себя на съеденье
этой скорости впереди.

1959

ЧУЖОЕ РЕМЕСЛО

Чужое ремесло мной помыкает.
На грех наводит, за собой маня.
Моя работа мне не помогает
и мстительно сторонится меня.

Я ей вовеки соблюдаю верность,
пишу стихи у краешка стола,
и все-таки меня снедает ревность,
когда творят иные мастера.

Поет высоким голосом кинто —
и у меня в тбилисском том духане,
в картинной галерее и в кино
завистливо заходится дыханье.

Когда возводит красную трубу
печник на необжитом новом доме,
я тоже вытираю о траву
замаранные глиною ладони.

О, сделать так, как сделал оператор,
послушно перенять его пример
и, пристально прикинув к аппаратам,
прищуриться на выбранный предмет.

О, эта жадность деревца сажать,
из лейки лить на грядках неполитых
и линии натурщиц отражать,
размазывая краски на палитрах!

Так власть чужой работы надо мной
меня жестоко требует к ответу.
Но не прошу я участи иной.
Благодарю скупую радость эту.

1959

ПЯТНАДЦАТЬ МАЛЬЧИКОВ

Пятнадцать мальчиков, а может быть, и больше,
а может быть, и меньше, чем пятнадцать,
испуганными голосами
мне говорили:
«Пойдем в кино или в музей изобразительных искусств».
Я отвечала им примерно вот что:
«Мне некогда».
Пятнадцать мальчиков дарили мне подснежники.
Пятнадцать мальчиков надломленными голосами
мне говорили:
«Я никогда тебя не разлюблю».
Я отвечала им примерно вот что:
«Посмотрим».

Пятнадцать мальчиков теперь живут спокойно.
Они исполнили тяжелую повинность
подснежников, отчаянья и писем.
Их любят девушки —
иные красивее, чем я,
иные некрасивее.
Пятнадцать мальчиков преувеличенно свободно,
а подчас злорадно
приветствуют меня при встрече,
приветствуют во мне при встрече
свое освобождение, нормальный сон и пищу...

Напрасно ты идешь, последний мальчик.
Поставлю я твои подснежники в стакан,
и коренастые их стебли обрастут
серебряными пузырьками...
Но, видишь ли, и ты меня разлюбишь,
и, победив себя, ты будешь говорить со мной надменно,
как будто победил меня,
а я пойду по улице, по улице...

50-е

* * *

Я думала, что ты мой враг,
что ты беда моя тяжелая,
а ты не враг, ты просто враль,
и вся игра твоя — дешевая.

На площади Манежной
бросал монету в снег.
Загадывал монетой,
люблю я или нет.

И шарфом ноги мне обматывал
там, в Александровском саду,
и руки грел, а всё обманывал,
всё думал, что и я солгу.

Кружилось надо мной вранье,
похожее на воронье.

Но вот в последний раз прощаешься,
в глазах ни сине, ни черно.
О, проживешь, не опечалишься,
а мне и вовсе ничего.

Но как же всё напрасно,
но как же всё нелепо!
Тебе идти направо.
Мне идти налево.

50-е

* * *

Жилось мне весело и шибко.
Ты шел в заснеженном плаще,
и вдруг зеленый ветер шипра
вздымал косынку на плече.

А был ты мне ни друг, ни недруг.
Но вот бревно. Под ним река.
В реке, в ее ноябрьских недрах,
займется пламенем рука.

«А глубоко?» — «Попробуй смеряй!» —
Смеюсь, зубами лист беру
и говорю: «Ты парень смелый.
Пройдись по этому бревну».

Ого! — тревоги выраженье
в твоей руке. Дрожит рука.

Ресниц густое ворошенье
над замиранием зрачка.

А я иду (сначала боком), —
о, поскорей бы, поскорей! —
над темным холодом, над бойким
озябшим ходом пескарей.

А ты проходишь по перрону,
закрыв лицо воротником,
и тлеющую папиросу
в снегу кончаешь каблуком.

50-е

* * *

Чем отличаюсь я от женщины с цветком,
от девочки, которая смеется,
которая играет перстеньком,
а перстенёк ей в руки не дается?

Я отличаюсь комнатой с обоями,
где так сижу я на исходе дня
и женщина с манжетами собольими
надменный взгляд отводит от меня.

Как я жалею взгляд ее надменный,
и я боюсь, боюсь ее спугнуть,
когда она над пепельницей медной
склоняется, чтоб пепел отряхнуть.

О, Господи, как я ее жалею,
плечо ее, понурое плечо,
и беленькую тоненькую шею,
которой так под мехом горячо!

И я боюсь, что вдруг она заплачет,
что губы ее страшно закричат,
что руки в рукава она запрячет
и бусинки по полу застучат...

50-е

СНЫ О ГРУЗИИ

Сны о Грузии — вот радость!
И под утро так чиста
виноградная сладость,
осенившая уста.

Ни о чем я не жалею,
ничего я не хочу —
в золотом Свети-Цховели
ставлю бедную свечу.
Малым камушкам во Мцхета
воздаю хвалу и честь.
Господи, пусть будет это
вечно так, как ныне есть.
Пусть всегда мне будут в новость
и колдуют надо мной
родины родной суровость,
нежность родины чужой.

1960

СПАТЬ

Мне — пляшущей под мцхетскою луной,
мне — плачущей любою мышцей в теле,
мне — ставшей тенью, слабою длиною,
не умещенной в храм Свети-Цховели,
мне — обнаженной ниткой серебра
продернутой в твою иглу, Тбилиси,
мне — жившей, как преступник, — до утра,
озябшей до крови в твоей теплице,
мне — не умевшей засыпать в ночах,
безумьем растлевающей знакомых,
имеющей зрачок коня в очах,
отпрянувшей от снов, как от загонов,
мне — с нищими поющей на мосту:
«Прости нам, утро, прегрешенья наши.
Обугленных желудков нищету
позолоти своим подарком, хаши»,
мне — скачущей наискосок и вспять
в бессоннице, в ее дурной потехе, —
о Господи, как мне хотелось спать
в глубокой, словно колыбель, постели.
Спать — засыпая. Просыпаясь — спать.
Спать — медленно, как пригублять напиток.
О, спать и сон посасывать, как сладость,
пролив слюною сладости избыток.
Проснуться поздно, глаз не открывать,
чтоб дальше искушать себя секретом
погоды, осеняющей кровать
пока еще не принятым приветом.

Как приторен в гортани привкус сна.
 Движенье рук свежо и неумело.
 Неопытность воскресшего Христа
 глубокой ленью сковывает тело.
 Мозг слеп, словно остывшая звезда.
 Пульс тих, как сок в непробужденном древе.
 И — снова спать! Спать долго. Спать всегда,
 спать замкнуто, как в материнском чреве.

1960

СВЕЧА

Геннадию Шпаликову

Всего-то — чтоб была свеча,
 свеча простая, восковая,
 и старомодность вековая
 так станет в памяти свежа.

И поспешит твое перо
 к той грамоте витиеватой,
 разумной и замысловатой,
 и ляжет на душу добро.

Уже ты мыслишь о друзьях
 всё чаще, способом старинным,
 и сталактитом стеариным
 займешься с нежностью в глазах.

И Пушкин ласково глядит,
 и ночь прошла, и гаснут свечи,
 и нежный вкус родимой речи
 так чисто губы холодит.

1960

АПРЕЛЬ

Вот девочки — им хочется любви.
 Вот мальчики — им хочется в походы.
 В апреле изменения погоды
 объединяют всех людей с людьми.

О новый месяц, новый государь,
 так ищешь ты к себе расположенья,
 так ты бываешь щедр на одолженья,
 к амнистиям склоняя календарь.

Да, выручишь ты реки из оков,
приблизитишь ты любое отдаленье,
безумному даруешь просветленье
и исцелишь недуги стариков.

Лишь мне твоей пощады не дано.
Нет алчности просить тебя об этом.
Ты спрашиваешь — медлю я с ответом
и свет гашу, и в комнате темно.

1960

* * *

Мы расстаемся — и одновременно
овладевает миром перемена,
и страсть к измене так в нём велика,
что берегами брезгает река,
охладевают к небу облака,
кивает правой левая рука
и ей надменно говорит: — Пока!

Апрель уже не предвещает мая,
да, мая не видать вам никогда,
и распадается иван-да-марья.
О, желтого и синего вражда!

Свои растенья вытравляет лето,
долготы отстранились от широт,
и белого не существует цвета —
остались семь его цветных сирот.

Природа подвергается разрухе,
отливы превращаются в прибой,
и молкнут звуки — по вине разлуки
меня с тобой.

1960

МАГНИТОФОН

В той комнате под чердаком,
в той нищенской, в той суверенной,
где старомодным чудачком
задор владеет современный,

где вокруг нечистого стола,
среди беды претенциозной,
капроновые два крыла
проносит ангел грациозный, —

в той комнате, в тиши ночной,
во глубине магнитофона,
уже не защищенный мной,
мой голос плачет отвлеченно.

Я знаю — там, пока я сплю,
жестокый медиум колдует
и душу слабую мою
то жжет, как свечку, то задует.

И гоголевской Катериной
в зеленом облаке окна
танцует голосок старинный
для развлечения колдуна.

Он так испуганно и кротко
является чужим очам,
как будто девочка-сиротка,
запроданная циркачам.

Мой голос, близкий мне досель,
воспитанный моей гортанью,
лукавящий на каждом «эль»,
невнятно склонный к заиканью,
возникший некогда во мне,
моим губам еще родимый,
вспорхнув, остался в стороне,
как будто вздох необратимый.

Одет бесплотной наготой,
изведавший ее приятность,
уж он вкусил свободы той
бесстыдство и невероятность.

И в эту ночь там, из угла,
старик к нему взывает снова,
в застиранные два крыла
целуя ангела ручного.

Над их объятием дурным
магнитофон во тьме хлопочет,
мой бедный голос пятки им
прозрачным пальчиком щекочет.

Пока я сплю, злорадству их
он кажет нежные изъяны
картавости — и снов моих
нецеломудренны туманы.

В МЕТРО НА ОСТАНОВКЕ «СОКОЛ»

Не знаю, что со мной творилось,
не знаю, что меня влекло.
Передо мною отворилось,
распавшись надвое, стекло.

В метро на остановке «Сокол»
моя поникла голова.
Спросив стакан с томатным соком,
я простояла час и два.

Я что-то вспомнить торопилась
и говорила невпопад:
— За красоту твою и милость
благодарю тебя, томат,

За то, что влагою ты влажен,
за то, что овощем ты густ,
за то, что красен и отважен
твой детский поцелуй вокруг уст.

А люди в той неразберихе,
направленные вверх и вниз,
как опаляющие вихри,
над головой моей неслись.

У каждой девочки, скользящей
по мрамору, словно по льду,
опасный, огненный, косящий
зрачок огромный цвёл во лбу.

Вдруг всё, что тех людей казнило,
всё, что им было знать дано,
в меня впилося легко и сильно,
словно иголка в полотно.

И утомленных женщин слёзы,
навек прилившие к глазам,
по мне прошли, будто морозы
по обнаженным деревьям.

Но тут владычица буфета,
вся белая, как белый свет,
воскликнула:

— Да что же это!
Уйдешь ты всё же или нет?

Ах, деточка, мой месяц ясный,
пойдем со мною, брось тужить!

Мы в роще Марьиной прекрасной
с тобой, две Марьи, будем жить.

В метро на остановку «Сокол»
с тех пор я каждый день хожу.
Какой-то горестью высокой
горюю и вокруг гляжу.

И к этой Марье бесподобной
припав, как к доброму стволу,
потягиваю сок холодный
иль просто около стою.

1960

ПРОЩАНИЕ

А напоследок я скажу:
прощай, любить не обязуйся.
С ума схожу. Иль восхожу
к высокой степени безумства.

Как ты любил? — ты пригубил
погибели. Не в этом дело.
Как ты любил? — ты погубил,
но погубил так неумело.

Жестокость промаха... О, нет
тебе прощенья. Живое тело
и бродит, видит белый свет,
но тело мое опустело.

Работу малую висок
еще вершит. Но пали руки,
и стайкою, наискосок,
уходят запахи и звуки.

1960

* * *

Веничке Ерофееву

Кто знает — вечность или миг
мне предстоит бродить по свету.
За этот миг иль вечность эту
равно благодарю я мир.

Что б ни случилось, не клянусь,
а лишь благословляю лёгкость:
твоей печали мимолётность,
моей кончины тишину.

1960

ПЕЙЗАЖ

Еще ноябрь, а благодать
уж сыплется, уж смотрит с неба.
Иду и хоронюсь от света,
чтоб тенью снег не утруждать.

О стеклодув, что смысл дутья
так выразил в сосульках этих!
И, запрокинув свой беретик,
на вкус их пробует дитя.

И я, такая молодая,
со сладкой льдинкою во рту,
оскальзываясь, приседая,
по снегу белому иду.

1960

ДЕКАБРЬ

Мы соблюдаем правила зимы.
Играем мы, не уступая смеху
и придавая очертанья снегу,
приподнимаем белый снег с земли.

И будто бы предчувствуя беду,
прохожие толпятся у забора,
снедает их тяжелая забота:
а что с тобой имеем мы в виду?

Мы бабу лепим — только и всего.
О, это торжество и удивленье,
когда и высота и удлинение
зависят от движенья твоего.

Ты говоришь: — Смотри, как я леплю. —
Действительно, как хорошо ты лепишь
и форму от бесформенности лечишь.
Я говорю: — Смотри, как я люблю.

Снег уточняет все свои черты
и слушается нашего приказа.
И вдруг я замечаю, как прекрасно
лицо, что к снегу обращаешь ты.

Проходим мы по белому двору,
прохожих мимо, с выраженьем дерзким.
С лицом таким же пристальным и детским,
любимый мой, всегда играй в игру.

Поддайся его долговому труду,
о моего любимого работа!
Даруй ему удачливость ребенка,
рисующего домик и трубу.

1960

ЗИМНИЙ ДЕНЬ

Мороз, сиянье детских лиц,
и легче совладать с рассудком,
и зимний день — как белый лист,
еще не занятый рисунком.

Ждет заполнения пустота,
и мы ей сделаем подарок:
простор листа, простор холста
мы не оставим без помарок.

Как это делает дитя,
когда из снега бабу лепит, —
творить легко, творить шутя,
впадая в этот детский лепет.

И, слава Богу, всё стоит
тот дом среди деревьев дачных,
и моложав еще старик,
объявленный как неудачник.

Вот он выходит на крыльцо,
и от мороза голос сипнет,
и галка, отряхнув крыло,
ему на шапку снегом сыплет.

И стало быть, недорешен
удел, назначенный молвою,
и снова, словно дирижер,
он не робеет стать спиною.

Спиною к нам, лицом туда,
где звуки ждут его намёка,
и в этом первом «та-та-та»
как будто бы труда немного.

Но мы-то знаем, как велик
труд, не снискавший одобренья.
О зимний день, зачем велишь
работать так, до одуренья?

Позволь оставить этот труд
и бедной славой утешаться.
Но — снег из туч! Но — дым из труб!
И невозможно удержаться.

1960

КОРОЛЕВА

Но вот проходит королева,
качая медленно серьгой.
Благоговейно кавалеры
следят за маленькой ногой.

Она похрустывает шёлком,
глубины глаз её влажны;
её ресницами, как шоком,
мгновенно все поражены.

Как высока её осанка!
Держа поднос над головой,
идёт она — официантка
в кафе под крышей голубой.

Нуждаются в её советах
тот посетитель и другой,
и пики снежные салфеток
взмывают под её рукой.

И над причёскою короткой
плывёт, надменна и строга,
её крахмальная корона,
холодная, как жемчуга.

<1960>

ЛОДКА

В траве глубоко и сыро,
если шагнуть с крыльца.
Держу я чужого сына,
похожего на отца.

Держу высоко, неловко
и говорю: «Смотри!
Видишь, какая лодка
синяя изнутри!»

Возьмём леденцы, орехи,
что у меня в столе.
Посмотрим, какие реки
водятся на земле.

Есть и река смешная.
Она течёт далеко.
Наверно, она смешала
воду и молоко.

Сахарных рыб немало
в гуще её рябой...»
Но бровью поводит мама,
глядя на нас с тобой.

Нам не устроить побега,
речек не увидеть.
Сына после обеда
строго уложат спать.

Окна, закройте плотно,
лампочка, не гори!
А сыну приснится лодка,
синяя изнутри.

<1960>

* * *

— Всё это надо перешить, —
сказал портной, — ведь дело к маю.
— Всё это надо пережить, —
сказала я, — я понимаю.

И в кольцах камушки сменить,
и чёлку рыжую подрезать,
и в край другой себя сманить,
и вновь по Грузии поездить.

<1960–1961>

ВУЛКАНЫ

Молчат потухшие вулканы.
На дно их падает зола.
Там отдыхают великаны
после содеянного зла.

Всё холоднее их владенья,
всё тяжелее их плечам,
но те же грешные виденья
являются им по ночам.

Им снится город обречённый,
не знающий своей судьбы,
базальт, в колонны обращённый
и обрамляющий сады.

Там девочки берут в охапки
цветы, что расцвели давно,
там знаки подают вакханки
мужчинам, тянущим вино.

Всё разгораясь и глупея,
там пир идёт, там речь груба.
О девочка моя, Помпея,
дитя царевны и раба!

В плену судьбы своей везучей
о чём ты думала, о ком,
когда так храбро о Везувий
ты опиралась локотком?

Заслушалась его рассказов,
расширила зрачки свои,
чтобы не вынести раскатов
безудержной его любви.

И он челом своим умнейшим
тогда же, на исходе дня,
припал к ногам твоим умершим
и закричал: «Прости меня!»

<1960—1961>

* * *

Жила в позоре окаянном,
а всё ж душа — белым-бела.
Но если кто-то океаном
и был — то это я была.

О, мой купальщик боязливый!
Ты б сам не выплыл — это я
волною нежной и брезгливой
на берег вынесла тебя.

Что я наделала с тобою!
Как позабыла в той беде,
что стал ты рыбой голубою,
взлелеянной в моей воде!

Я за тобой приливом белым
вернулась. Нет за мной вины.
Но ты в своем испуге бедном
отпрянул от моей волны.

И повторяют вслед за мною,
и причитают все моря:
о, ты, дитя мое родное,
о, бедное — прости меня.

1960—1961

* * *

О, мой застенчивый герой,
ты ловко избежал позора.
Как долго я играла роль,
не опираясь на партнёра!

К проклятой помощи твоей
я не прибегнула ни разу.
Среди кулис, среди теней
ты спасся, незаметный глазу.

Но в этом сраме и бреду
я шла пред публикой жестокой —
всё на беду, всё на виду,
всё в этой роли одинокой.

О, как ты гоготал, партер!
Ты не прощал мне очевидность
бесстыжую моих потерь,
моей улыбки безобидность.

И жадно шли твои стада
напиться из моей печали.
Одна, одна — среди стыда
стою с упавшими плечами.

Но опрометчивой толпе
герой действительный не виден.
Герой, как боязно тебе!
Не бойся, я тебя не выдам.

Вся наша роль — моя лишь роль.
Я проиграла в ней жестоко.
Вся наша боль — моя лишь боль.
Но сколько боли. Сколько. Сколько.

1960—1961

* * *

Смотрю на женщин, как смотрели встарь,
с благоговением и выжиданьем.
О, как они умеют сесть, и встать,
и голову склонить над вышиваньем.

Но ближе мне могучий род мужчин,
раздумья их, сраженья и проказы.
Склоненные под тяжестью морщин,
их лбы так величавы и прекрасны.

Они — воители, творцы наук и книг.
Настаивая на высоком сходстве,
намереваюсь приравняться к ним
я в мастерстве своем и благородстве.

Я — им чета. Когда пришла пора,
присев на покачнувшиеся нары,
я, запрокинув голову, пила,
чтобы не пасть до разницы меж нами.

Нам выпадет один почёт и суд,
работавшим толково и серьезно.
Обратную разоблачая суть,
как колокол, звенит моя серёжка.

И в звоне том — смятенье и печаль,
незащищенность детская и слабость.
И доверяю я мужским плечам
неравенства томительную сладость.

1960—1961

* * *

Так и живем — напрасно маясь,
в случайный веруя навет.
Какая маленькая малость
нас может разлучить навек.

Так просто вычислить, прикинуть,
что без тебя мне нет житья.
Мне надо бы к тебе приинкнуть.
Иначе поступаю я.

Припав на желтое сиденье,
сiju в косыночке простой
и направляюсь на съеденье
той темной станции пустой.

Иду вдоль белого кладбища,
оглядываюсь на кресты.
Звучат печально и комично
шаги мои средь темноты.

О, снизойди ко мне, разбойник,
присвистни в эту тишину.
Я удивленно, как ребенок,
в глаза недобрые взгляну.

Зачем я здесь, зачем ступаю
на темную тропу в лесу?
Вину какую искупаю
и наказание несую?

О, как мне надо возродиться
из этой тьмы и пустоты.
О, как мне надо возвратиться
туда, где ты, туда, где ты.

Так просто станет всё и цельно,
когда ты скажешь мне слова
и тяжело и драгоценно
ко мне склонится голова.

1960—1961

* * *

Из глубины моих невзгод
молюсь о милом человеке.
Пусть будет счастлив в этот год,
и в следующий, и вовеки.

Я, не сумевшая постичь
простого таинства удачи,
беду к нему не допустить
стараюсь так или иначе.

И не на радость же себе,
загородив его плечами,
ему и всей его семье
желаю миновать печали.

Пусть будет счастлив и богат.
Под бременем наград высоких
пусть подымает свой бокал
во здравие гостей веселых,

не ведая, как наугад
я билась головою оземь,
молясь о нём — средь неудач,
мне отведенных в эту осень.

1960—1961

ЖЕНЩИНЫ

Какая сладостная власть
двух женских рук, и глаз, и кожи.
Мы этой сладостию всласть
давно отравлены. И всё же —

какая сладостная власть
за ней, когда она выходит
и движется, вступая в вальс,
и нежно голову отводит.

И нету на неё суда!
В ней всё так тоненько, и ломко,
и ненадёжно. Но всегда
казнит меня головоломка:

при чём здесь я? А я при чём?
Ведь было и моим уделом
не любоваться тем плечом,
а поводить на свете белом.

И я сама ступала вскользь,
сама, сама, и в той же мере
глаза мои смотрели вкось
и дерзость нравиться имели.

Так неужели дело в том,
другом волненье и отваге,
и в отдалении глухом,
и в приближении к бумаге,

где все художники равны
и одинаково приметны,
и женщине предпочтены
все посторонние предметы.

Да, где-то в памяти, в глуши
другое бодрствует начало.
Но эта сторона души
мужчин от женщин отличала.

О, им дано не рисковать,
а только поступать лукаво.
О, им дано не рисовать,
а только обводить лекало.

А разговоры их! А страсть
к нарядам! И привычка к смеху!
И всё-таки — какая власть
за нею, выходящей к свету!

Какой продуманный чертёж
лица и рук! Какая точность!
Она приходит — и в чертог
каморка расцветает тотчас.

Как нам глаза ее видны,
как всё в них тёмно и неверно!
И всё же — нет за ней вины,
и будь она благословенна.

1960—1961

ЗИМА

О жест зимы ко мне,
холодный и прилежный.
Да, что-то есть в зиме
от медицины нежной.

Иначе как же вдруг
из темноты и муки
доверчивый недуг
к ней обращает руки?

О милая, колдуй,
заденет лоб мой снова
целебный поцелуй
колечка ледяного.

И всё сильнее соблазн
встречать обман доверьем,
смотреть в глаза собак
и приникать к деревьям.

Прощать, как бы играть,
с разбега, с поворота,
и, завершив прощать,
простить еще кого-то.

Сравняться с зимним днем,
с его пустым овалом,
и быть всегда при нём
его оттенком малым.

Свести себя на нет,
чтоб вызвать за стеною
не тень мою, а свет,
не заслоненный мною.

1961

БОЛЕЗНЬ

О боль, ты — мудрость. Суть решений
перед тобою так мелка,
и осеняет темный гений
глаз захворавшего зверька.

В твоих губительных пределах
был разум мой высок и скуп,
но трав целебных поределых
вкус мятный уж не сходит с губ.

Чтоб облегчить последний выдох,
я, с точностью того зверька,
принюхавшись, нашла свой выход
в печальном стебельке цветка.

О, всех простить — вот облегченье!
О, всех простить, всем передать
и нежную, как облученье,
вкусить всем телом благодать.

Прощаю вас, пустые скверы!
При вас лишь, в бедности моей,
я плакала от смутной веры
над капюшонами детей.

Прощаю вас, чужие руки!
Пусть вы протянуты к тому,
что лишь моей любви и муки
предмет, не нужный никому.

Прощаю вас, глаза собачьи!
Вы были мне укор и суд.
Все мои горестные плачи
досель эти глаза несут.

Прощаю недруга и друга!
Целую наспех все уста!
Во мне, как в мертвом теле круга,
законченность и пустота.

И взрывы щедрые, и легкость,
как в белых дребезгах перин,
и уж не тягостен мой локоть
чувствительной черте перил.

Лишь воздух под моею кожей.
Жду одного: на склоне дня,
охваченный болезнью схожей,
пусть кто-нибудь простит меня.

1961

ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ

О, как люблю я пребыванье рук
в блаженстве той свободы пустяковой,
когда былой уже закончен труд
и — лень и сладко труд затеять новый.

Как труд былой томил меня своим
небыстрым ходом! Но — за проволочку —
теперь сполна я расквиталась с ним,
пощёчиной в него влепивши точку.

Меня прощает долгожданный сон.
Целует в лоб младенческая легкость.
Свободен — легкомысленный висок.
Свободен — спящий на подушке локоть.

Смотри, природа, — розов и мордаст,
так кротко спит твой бешеный сангвиник,
всем утомленьем клеившись в матрац,
как зуб в десну, как дерево в суглинок.

О, спать да спать, терпеть счастливый гнёт
неведенья рассудком безрассудным.
Но день воскресный уж баклуши бьет
то детским плачем, то звонком посудным.

Напялив одичавший неуют
чужой плечам, остывшей за ночь кофты,
хозяйки, чтоб хозяйничать, встают,
и пробуждает ноздри запах кофе.

Пора вставать! Бесстрастен и суров,
холодный душ уже развесил розги.
Я прыгаю с постели, как в сугроб —
из бани, из субтропиков — в морозы.

Под гильотину ледяной струи
с плеч голова покорно полетела.
О умывальник, как люты твои
чудовища — вода и полотенце.

Прекрасен день декабрьской теплоты,
когда туманы воздух утолщают
и зрелых капель чистые плоды
бесплодые зимних веток утешают.

Ну что ж, земля, сегодня — отдых мой,
ликую я — твой добрый обыватель,
вдыхатель твоей влажности густой,
твоих сосулк теплых обрыватель.

Дай созерцать твой белый свет и в нём
не обнаружить малого пробела,
который я, в усердии моём,
восполнить бы желала и умела.

Играя в смех, в иные времена,
нога ледок любовно расколола.
Могуществом кофейного зерна
язык так пьян, так жаждет разговора.

И, словно дым, затмивший недра труб,
глубоко в гортани возникает голос.
Ко мне крадется ненасытный труд,
терпящий новый и веселый голод.

Ждет насыщенья звуком немота,
зияя пустотою, как скворешник,
весну корящий, — разве не могла
его наполнить толчеей сердечек?

Прощай, соблазн воскресный! Меж дерев
мне не бродить. Но что всё это значит?
Бумаги белый и отверстый зев
ко мне взывает и участия алчет.

Иду — поить губами клюв птенца,
наскучившего и опять родного.
В ладонь склоняясь тяжестью лица,
я из безмолвья вызволяю слово.

В неловкой позе у стола присев,
располагаю голову и плечи,
чтоб обижал и ранил их процесс,
к устам влекущий восхождение речи.

Я — мускул, нужный для ее затей.
Речь так спешит в молчанье не погибнуть,
свершить звукорождение и затем
забыть меня навеки и покинуть.

Я для нее — лишь дудка, чтоб дудеть.
Пускай дудит и веселит окрестность.
А мне опять — заснуть, как умереть,
и пробудиться утром, как воскреснуть.

1961

* * *

Глубоким голосом пророка,
донесшимся издалека,
«Возьми!» — сказала мне природа
о чистых струях родника.

Она мне воду даровала,
назначенную для корней.
Поскрипывая деревянно,
ступени приводили к ней.

Среди цветов густых, истошных,
воды желяющих, воды,
в моих ладонях тѣк источник.
В нём были камушки видны.

— Ну пей же, пей, — земля просила, —
купайся, запускай суда.
— Да, да, — сказала я, — спасибо,
какая чистая вода.

Как всё живое к ней стремится,
как сохнет в горле у него,

а вот она — ко мне струится,
желанья ищет моего.

Но я не жажду утоленья.
Я долго на воду смотрю.
И медлю я. И промедленья
никак в себе не поборю.

<До 1962>

* * *

О, слово точное — подонки!
Меж них такая кутерьма.
Темны их лица и подобны
одно другому.

Я сама

толкаюсь в их движенье тесном,
не в силах скрыться в стороне,
как бы измазанные тестом,
их руки липнут и ко мне.

Всё, что удобно и съедобно,
так безудержно их влечёт.
Они ко мне добры сегодня
и обещают мне почёт.

Но будут глухи их удары,
когда придёт пора моя,
и, как надменные удавы,
они посмотрят на меня.

— Погибнет это дарованье! —
мне напророчат за глаза.
Неведомы и деревянны
их лики, словно образа.

Им предстоит удел обратный.
Он их настигнет всё равно.
Но сколько предано объятий
и душ нестойких растлено!

Есть утешение скупое —
в их жизни, алчной и лихой,
они наказаны собою,
своей бездарностью глухой.

<До 1962>

САДОВНИК

Я не скрипеть прошу калитку,
я долго около стою.

Я глажу тонкую калину
по загорелому стволу.

И, притаясь в листе весёлой,
смеюсь тихонько в кулаки.
Вот он сидит, мой друг высокий,
и починяет башмаки.

Смешной, с иголкой и с дратвой,
ещё не знает ничего,
а я кричу свирепо: «Здравствуй!» —
и налетаю на него.

А он смеётся или плачет
и топчет грядки босиком,
и красный сеттер возле пляшет,
в меня нацелясь языком.

Забыв в одной руке ботинки,
чужак, садовник, педагог,
он в подпол лезет и бутылки
из темноты мне подаёт.

Он бегаёт, очки роняя,
и, на меня взглянув тайком,
он вытирает пыль с рояля
своим рассеянным платком.

Ах, неудачник мой, садовник!
Соседей добрых веселя,
о, сколько фруктов несъедобных
он поднял из тебя, земля!

Я эти фрукты ем покорно.
Они солёны и крепки,
и слышно, как скребут по горлу
семян их острых коготки.

И верю я одна на свете,
что зацветут его сады,
что странно засияют с веток
их совершенные плоды.

Он говорит: — Ты представляешь —
быть может, через десять лет
ты вдруг письмо мне присылаешь,
а я пишу тебе в ответ...

Я представляю,
и деревья
я вижу — глаз не оторву.
Размеренные ударенья
тяжелых яблок о траву...
Он машет вилкою с селёдкой,
глазами голодно блестит,
и персик, твёрдый и солёный,
на крепких челюстях хрустит...

<До 1962>

СТАРИННЫЙ ПОРТРЕТ

Эта женщина минула,
в холст глубоко вошла.
А была она милая,
молодая была.

Прожила б она красивая,
вся задор и полнота,
если б проголодь крысиная
не сточила полотна.

Как металася по комнате,
как кручинилась по нём.
Её пальцы письма комкали
и держали над огнём.

А когда входил уверенно,
громко спрашивал вина —
как заносчиво и ветрено
улыбалася она.

В зале с чёрными колоннами
маскерады затевал
и манжетами холодными
её руки задевал.

Покорялись руки бедные,
обнимали сгоряча,
и взвивались пальцы белые
у цыгана-скрипача.

Он опускался на колени,
смычком далёким обольщал
и тонкое лицо калеки
к высоким звёздам обращал.

...А под утро в спальне тёмной
тихо свечку зажигал,
перстенёк, мизинцем тёплый,
он в ладони зажимал.

И смотрел, смотрел печально,
как, счастливая сполна,
безрассудно и прощально
эта женщина спала.

Надевала платье чёрное
и смотрела из дверей,
как к крыльцу подводят чопорных,
приозябших лошадей.

Поцелуем долгим, маетным
приникал к её руке,
становился тихим, маленьким
колокольчик вдалеке.

О высокие клавиши
разбивалась рука.
Как над нею на кладбище
трава глубока.

<До 1962>

* * *

Человек в чисто поле выходит,
травку клевер зубами берёт.
У него ничего не выходит.
Всё выходит наоборот.

И в работе опять не выходит.
И в любви, как всегда, не везёт.
Что же он в чисто поле выходит,
травку клевер зубами берёт?

Для чего он лицо поднимает,
улыбается, в небо глядит?
Что он видит там, что понимает
и какая в нём дерзость гудит?

Человече, тесно ль тебе в поле?
Погоди, не спеши умереть.
Но опять он до звона, до боли
хочет в белое небо смотреть.

Есть на это разгадка простая.
Нас единой заботой свело.
Человечеству сроду пристало
делать дерзкое дело своё.

В нём согласие беды и таланта
и готовность опять и опять
эти древние муки Танта
на большие плеча принимать.

В металлическом блеске конструкций,
в устремленном движенье винта
жажда вечная — неба коснуться,
эта тяжкая жажда видна.

Посреди именин, новоселий
нет удачи желанней, чем та
не уставшая от невезений,
воссиявшая правота.

<До 1962>

ВСТУПЛЕНИЕ В ПРОСТУДУ

Прост путь к свободе, к ясности ума —
достаточно, чтобы озябли ноги.
Осенние прогулки вдоль дороги
располагают к этому весьма.

Грипп в октябре — всевидящ, как Господь.
Как ангелы на крыльях стрекозиных,
слетают насморки с небес предзимних
и нашу околдовывают плоть.

Вот ты проходишь меж дерев и стен,
сам для себя неведомый и странный,
пока еще банальности туманной
костей твоих не обличил рентген.

Еще ты скушен, и здоров, и груб,
но вот тебе с улыбкой добродушной
простуда шлет свой поцелуй воздушный,
и медленно он достигает губ.

Отныне болен ты. Ты не должник
ни дружб твоих, ни праздничных процессий.
Благоговейно подтверждает Цельсий
твой сан особый среди людей иных.

Ты слышишь, как щекочет, как течет
под мышкой ртуть, она замрет — и тотчас
определит серебряная точность,
какой тебе оказывать почет.

И аспирин тягостный глоток
дарит тебе непринужденность духа,
благие преимущества недуга
и смелости недобрый холодок.

1962

МАЛЕНЬКИЕ САМОЛЕТЫ

Ах, мало мне другой заботы,
обременяющей чело, —
мне маленькие самолеты
всё снятся, не пойму с чего.

Им всё равно, как сниться мне:
то, как птенцы, с моей ладони
они зерно берут, то в доме
живут, словно сверчки в стене.

Иль тычутся в меня они
носами глупыми: рыбёшка
так ходит возле ног ребенка,
щекочет и смешит ступни.

Порой вкруг моего огня
они толкаются и слепнут,
читать мне не дают, и лепет
их крыльев трогает меня.

Еще придумали: детьми
ко мне пришли и со слезами,
едва с моих колен слезали,
кричали: «На руки возьми!»

А то глаза открою: в ряд
все маленькие самолеты,
как маленькие Соломоны,
всё знают и вокруг сидят.

Прогонишь — снова тут как тут:
из темноты, из блеска ваксы,
кося белком, как будто таксы,
тела их долгие плывут.

Что ж, он навек дарован мне —
сон жалостный, сон современный,
и в нём — ручной, несоразмерный
тот самолетик в глубине?

И всё же, отрезвев от сна,
иду я на аэродромы —
следить огромные те громы,
озвучившие времена.

Когда в преддверье высоты
всесильный действует пропеллер,
я думаю — ты всё проверил,
мой маленький? Не вырос ты.

Ты здесь огромным серебром
всех обманул — на самом деле
ты крошка, ты дитя, ты еле
заметен там, на голубом.

И вот мерцаем мы с тобой
на разных полюсах пространства.
Наверно, боязно расстаться
тебе со мной — такой большой?

Но там, куда ты вознесён,
во тьме всех позывных мелодий,
пускай мой добрый, странный сон
хранит тебя, о самолетик!

1962

ОСЕНЬ

Не действуя и не дыша,
всё слаще обмирает улей.
Всё глубже осень, и душа
всё опытнее и округлей.

Она вовлечена в отлив
плода, из пустяка пустого
отлитого. Как кропотлив
труд осенью, как тяжко слово.

Значительнее, что ни день,
природа ум обременяет,
похожая на мудрость лень
уста молчаньем осеняет.

Даже дитя, велосипед
влекущее,
вертя педалью,
вдруг поглядит на белый свет
с какой-то ясною печалью.

1962

ПАМЯТИ БОРИСА ПАСТЕРНАКА

Начну издалека, не здесь, а там,
начну с конца, но он и есть начало.
Был мир как мир. И это означало
всё, что угодно в этом мире вам.

В той местности был лес, как огород, —
так невелик и все-таки обширен.
Там, прихотью младенческих ошибок,
всё было так и всё наоборот.

На маленьком пространстве тишины
был дом как дом. И это означало,
что женщина в нем головой качала
и рано были лампы зажжены.

Там труд был лёгок, как урок письма,
и кто-то — мы еще не знали сами —
замаливал один пред небесами
наш грех несовершенного ума.

В том равновесье меж добром и злом
был он повинен. И земля летела
неосторожно, как она хотела,
пока свеча горела над столом.

Прощалось и невежде и лгуну —
какая разница? — пред белым светом,
позволив нам не хлопотать об этом,
он искупал всеобщую вину.

Когда же им оставленный пробел
возник над миром, около восхода,
толчком заторможенная природа
переместила тяжесть наших тел.

Объединенных бедною гурьбой,
врасплох нас наблюдала необъятность,
и наших недостойнств неприглядность
уже никто не возмещал собой.

В тот дом езжали многие. И те
два мальчика в рубашках полосатых
без робости вступали в палисадник
с малиною, темневшей в темноте.

Мне доводилось около бывать,
но я чужда привычке современной
налаживать контакт несоразмерный,
в знакомстве быть и имя называть.

По вечерам мне выпадала честь
смотреть на дом и обращать молитву
на дом, на палисадник, на малину —
то имя я не смела произнести.

Стояла осень, и она была
лишь следствием, но не залогом лета.
Тогда еще никто не знал, что эта
окружность года не была кругла.

Сурово избегая встречи с ним,
я шла в деревья, в неизбежность встречи,
в простор его лица, в протяжность речи...
Но рифмовать пред именем твоим?
О нет.

Он неожиданно вышел из убогой чащи переделкинских деревьев поздно вечером, в октябре, более двух лет назад. На нём был грубый и опрятный костюм охотника: синий плащ, сапоги и белые вязаные варежки. От нежности к нему, от гордости к себе я почти не видела его лица — только ярко-белые вспышки его рук во тьме слепили мне уголки глаз. Он сказал: «О, здравствуйте! Мне о вас рассказывали, и я вас сразу узнал. — И вдруг, вложив в это неожиданную силу переживания, взмолился: — Ради Бога! Извините меня! Я именно теперь должен позвонить!» Он вошел было в маленькое здание какой-то конторы, но резко вернулся, и из крошечной темноты мне в лицо ударило, плеснуло яркой светлостью его лица, лбом и скулами, люминесцирующими при слабой луне. Меня охватил сладко-ледяной, шекспировский холодок за него. Он спросил с ужасом: «Вам не холодно? Ведь дело к ноябрю?» — и, смутившись, неловко впятился в низкую дверь. Прислонясь к стене, я телом, как глухой, слышала, как он говорил с кем-то, словно настойчиво оправдываясь перед ним, окружая его заботой и любовью голоса. Спиной и ладонями я впитывала диковинные приёмы его речи — нарастающее пение фраз, доброе восточное бормотание, обращенное в невнятный трепет и гул дощатых перегородок. Я, и дом, и кусты вокруг нечаянно попали в обильные объятия этой округло-любовной, величественно-деликатной интонации. Затем он вышел, и мы сделали несколько шагов вме-

сте по заросшей пнями, сучьями, изгоролями, чрезвычайно неудобной для ходьбы земле. Но он легко, по-домашнему ладил с корявой бездной, сгустившейся вокруг нас, — с выпяченными, сверкающими звездами, с впадиной на месте луны, с кое-как поставленными, неуютными деревьями. Он сказал: «Отчего вы никогда не заходите? У меня иногда бывают очень милые и интересные люди — вам не будет скучно. Приходите же! Приходите завтра». От низкого головокращения, овладевшего мной, я ответила надменно: «Благодарю вас. Как-нибудь я непременно зайду».

Из леса, как из-за кулис актер,
он вынес вдруг высокопарность позы,
при этом не выгадывая пользы
у зрителя, — и руки распростер.

Он сразу был театром и собой,
той древней сценой, где прекрасны речи.
Сейчас начало! Гаснет свет! Сквозь плечи
уже мерцает фосфор голубой.

— О, здравствуйте! Ведь дело к ноябрю —
не холодно ли? — вот и всё, не боле.
Как он играл в единственной той роли
всемирной ласки к людям и зверью.

Вот так играть свою игру — шутя!
всерьез! до слёз! навеки! не лукавя! —
как он играл, как, молоко лакая,
играет с миром зверь или дитя.

— Прощайте же! — так петь между людьми
не принято. Но так поют у рампы,
так завершают монолог той драмы,
где речь идет о смерти и любви.

Уж занавес! Уж освещают тьму!
Еще не всё: — Так заходите завтра! —
О тон гостеприимного азарта,
что ведом лишь грузинам, как ему.

Но должен быть такой на свете дом,
куда войти — не знаю! невозможно!
И потому, навек неосторожно,
я не пришла ни завтра, ни потом.

Я плакала меж звёзд, дерев и дач —
после спектакля, в гаснущем партере,
над первым предвкушением потери
так плачут дети, и велик их плач.

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

1954—1979

Новая тетрадь	7
«Дождь в лицо и ключицы...»	7
Цветы	8
Невеста	8
«Мне скакать, мне в степи озираться...»	9
Павлу Антокольскому	10
«Он приготовил пистолет...»	12
Грузинских женщин имена	13
«Смеясь, ликуя и бунтуя...»	13
«Вот звук дождя как будто звук домбры...»	14
«О, еще с тобой случится...»	15
«Не уделяй мне много времени...»	16
Жалейка	16
Снегурочка	17
Мазурка Шопена	18
Лунатики	18
«Живут на улице Песчаной...»	19
Август	20
«По улице моей который год...»	20
«В тот месяц май, в тот месяц мой...»	21
Нежность	22
Несмеяна	23
Мотороллер	24
Автомат с газированной водой	25
Твой дом	26
«Опять в природе перемена...»	27
«Нас одурачил нынешний сентябрь...»	28

«Ты говоришь — не надо плакать...»	28
«Влечет меня старинный слог...»	29
Светофоры	30
Чужое ремесло	31
Пятнадцать мальчиков	32
«Я думала, что ты мой враг...»	33
«Жилось мне весело и быстро...»	33
«Чем отличаюсь я от женщины с цветком...»	34
Сны о Грузии	34
Спать	35
Свеча	36
Апрель	36
«Мы расстаемся — и одновременно...»	37
Магнитофон	37
В метро на остановке «Сокол»	39
Прощание	40
«Кто знает — вечность или миг...»	40
Пейзаж	41
Декабрь	41
Зимний день	42
Королева	43
Лодка	43
«— Всё это надо пережить...»	44
Вулканы	44
«Жила в позоре окаянном...»	45
«О, мой застенчивый герой...»	46
«Смотрю на женщин, как смотрели встарь...»	47
«Так и живем — напрасно маясь...»	47
«Из глубины моих невзгод...»	48
Женщины	49
Зима	50
Болезнь	51
Воскресный день	52
«Глубоким голосом пророка...»	54
«О, слово точное — подонки!..»	55
Садовник	56
Старинный портрет	57
«Человек в чисто поле выходит...»	58

Вступление в простуду	59
Маленькие самолеты	60
Осень	61
Памяти Бориса Пастернака	62
«Когда б спросили... — некому спросить...»	65
Симону Чиковани	66
Сон	67
Уроки музыки	69
«Случилось так, что двадцати семи...»	70
В опустевшем доме отдыха	71
Тоска по Лермонтову	72
Мои товарищи	74
Зимняя замкнутость	76
Ночь	78
«Последний день живу я в странном доме...»	79
Слово	79
Немота	80
Другое	81
Сумерки	81
«Четверть века, Марина, тому...»	83
Плохая весна	83
«Весной, весной, в ее начале...»	86
Биографическая справка	87
Клянусь	88
Описание обеда	90
«Я думаю: как я была глупа...»	92
«Так дурно жить, как я вчера жила...»	93
Варфоломеевская ночь	95
«В том времени, где и злодей...»	96
Гостить у художника	97
Дождь и сад	100
«Зима на юге. Далеко зашло...»	101
Молитва	102
Снегопад	103
Метель	104
«Мне вспоминать сподручней, чем иметь...»	105
Описание ночи	105
Описание боли в солнечном сплетении	106

Не писать о грозе	108
Строка	108
Семья и быт	109
Заклинание	110
Это я...	111
Рисунок	113
«Прощай! Прощай! Со лба сотру...»	114
Воспоминание о Ялте	114
Пререкание с Крымом	115
«Предутренний час драгоценный...»	116
Подражание	117
«Однажды, покачнувшись на краю...»	118
«Собрались, завели разговор...»	118
«В той тоске, на какую способен...»	119
Песенка для Булата	121
Медлительность	121
«Глубокий нежный сад, впадающий в Оку...»	122
Лермонтов и дитя	123
«Что за мгновенье! Родное дитя...»	124
Взойти на сцену	124
«Так, значит, как вы делаете, други?...»	125
«Ни слова о любви! Но я о ней ни слова...»	126
Дом и лес	126
«Сад еще не облетал...»	127
«Бьют часы, возвестившие осень...»	128
«Опять сентябрь, как тьму времён назад...»	129
Ночь перед выступлением	129
Снимок	130
«Я вас люблю, красавицы столетий...»	131
Отрывок из маленькой поэмы о Пушкине	133
«Теперь о тех, чьи детские портреты...»	134
Ожидание ёлки	135
«Прохожий, мальчик, что ты? Мимо...»	136
«Как никогда, беспечна и добра...»	137
Дом	137
«Потом я вспомню, что была жива...»	141
«Завидна мне извечная привычка...»	141
Чужая машинка	142

Два гепарда	142
«Я завидую ей — молодой...»	143
«Пришла. Стоит. Ей восемнадцать лет...»	144
Воспоминание (« <i>Мне говорят: который год...</i> »)	145
«Какое блаженство, что блещут снегá...»	146
Февраль без снега	146
«За что мне всё это? Февральской теплыни подарки...»	148
Памяти Лены Д.	149
«Стихотворения чудный театр...»	150
Запоздалый ответ Пабло Неруде	151
Анне Каландадзе	152
«Я столько раз была мертва...»	153
«Помню — как вижу, зрочки затемню...»	154
«Я знаю, всё будет: архивы, таблицы...»	155
Москва ночью при снегопаде	155
«Я школу Гнесиных люблю...»	156
Луна в Тарусе	158
«Деревни Бёхово крестьянин...»	158
Путник	159
Приметы мастерской	160
«Вот не такой, как двадцать лет назад...»	161
Таруса	162
Путешествие (« <i>Человек, засыпая, из мглы выкликает звезду...</i> »)	165
Роза	167
Памяти Генриха Нейгауза	168
Переделкино после разлуки	169
Письмо Булату из Калифорнии	170
Шуточное послание к другу	171
Ленинград	172
«Не добела раскалена...»	172
Возвращение из Ленинграда	173
«Петра там нет. Не эту же великость...»	173
Тифлис	174
«То снился он тебе, а ныне ты — ему...»	175
Гагра: кафе «Рица»	175
«Пришелец, этих мест название: курорт...»	176
«Как холодно в Эшери и как строго...»	177
Бабочка	178

«Смеркается в пятом часу, а к пяти...»	178
«Мы начали вместе: рабочие, я и зима...»	180

1980—1996

Сад	182
Владимиру Высоцкому	
I. «Твой случай таков, что мужи этих мест и предместий...»	183
II. Москва: дом на Беговой улице	184
III. «Эта смерть не моя есть ущерб и зачёт...»	185
Ладыжино	186
Вослед 27-му дню февраля	187
Игры и шалости	189
Радость в Тарусе	190
Ревность пространства. 9 марта	192
Милость пространства. 10 марта	193
Строгость пространства. 11 марта	195
Кофейный чертик	196
День: 12 марта 1981 года	197
Рассвет	199
Непослушание вещей	199
Свет и туман	200
Луна до утра	201
Утро после луны	203
Вослед 27-му дню марта	205
Возвращение в Тарусу	206
Преппирательства и примирения	207
Черемуха	209
Черемуха трехдневная	211
«Есть тайна у меня от чудного цветенья...»	213
Черемуха предпоследняя	214
Ночь упаданья яблок	216
Февральское полнолуние	217
Гусиный паркер	219
Род занятий	221
Прогулка	224
Лебедин мой	226
Палец на губах	228
Сиреневое блюдце	230
День-Рафаэль	231

Сад-всадник	232
Смерть совы	233
Гребенников здесь жил...	235
Печали и шуточки: комната	238
«Воздух августа: плавность услад и услуг...»	241
Забытый мяч	241
«Я лишь объём, где обитает что-то...»	242
Звук указующий	243
Ночь на тридцатое марта	244
«Зачем он ходит? Я люблю одна...»	244
«Я встала в шесть часов. Виднелась тьма во тьме...»	247
Луне от ревнивца	247
Пашка	249
Пачёвский мой	250
«Мне Звёздкин говорил, что он в меня влюблен...»	251
Ночь на 30-е апреля	252
Суббота в Тарусе	253
Друг столб	255
«Как много у маленькой музыки этой...»	256
Смерть Французова	257
Цветений очерёдность	257
Скончание черемухи — 1	259
«Быть по сему: оставьте мне...»	259
Скончание черемухи — 2	260
«Отселева за тридевять земель...»	261
29-й день февраля	262
«Дорога на Паршино, дале — к Тарусе...»	263
Шум тишины	264
«Люблю ночные промедленья...»	265
Посвящение	267
«Ровно полночь, а ночь пребывает в изгоях...»	268
«Когда жалела я Бориса...»	270
«Был вход возбранён. Я не знала о том и вошла...»	272
«Воскресенье настало. Мне не было грустно ничуть...»	273
Ночь на 6-е июня	273
«Какому ни предамся краю...»	275
«Бессмертьем душу обольщая...»	277
Стена	279

«Чудовищный и призрачный курорт...»	281
«Такая пала на́ душу метель...»	283
«Взамен элегий — шуточки, сарказмы...»	284
Постой	286
«Всех обожаний бедствие огромно...»	286
Дом с башней	287
«Темнеет в полночь и светает вскоре...»	289
«Завидев дом, в испуге безъязыком...»	290
Побережье	291
Поступок розы	294
Гряда камней	295
«Этот брег — только бред двух схватившихся зорь...»	300
«Ночь: белый сонм колонн надводных. Никого нет...»	301
«Мне дан июнь холодный и пространный...»	301
Шестой день июня	302
Черемуха белонощная	304
«Не то чтоб я забыла что-нибудь...»	306
«Здесь никогда пространство не игриво...»	306
«Под горой — дом-горюн, дом-горыныч живет...»	307
«Я — лишь горы моей подножье...»	308
«Где Питкяранта? Житель питкярантский...»	309
Ночное	311
«Вся тьма — в отсутствии, в опале...»	312
«Лапландских летних льдов недалняя граница...»	314
«Всё шхеры, фиорды, ушельных существ...»	315
«Так бел, что опалает веки...»	316
«Лишь июнь сортавальские воды согрел...»	318
«То ль потому, что ландыш пожелтел...»	320
«Сверканье блёсен, жалобы уключин...»	321
«Вошла в лиловом в логово и в лоно...»	322
«Пора, прощай моя скала...»	325
«Сирень, сирень — не кончилась бы худом...»	327
«— Что это, что? — Спи, это жар во лбу...»	329
Ёлка в больничном коридоре	330
«Поздней весны польза-обнова...»	332
Ивановские припевки	332
«Хожу по околицам дюжей весны...»	334
Пригород: названья улиц	337

«Тому назад два года, но в июне...»	339
«Постоялец вникает в реестр проявлений...»	340
«Так запрокинут лоб, отозванный от яви...»	342
Ларец и ключ	342
Дворец	344
Гроза в Малеевке	346
Венеция моя	348
Одевание ребенка	349
Портрет, пейзаж и интерьер	350
Вокзальчик	353
Вид снизу вверх	355
19 октября 1996 года	355
Надпись на книге: 19 октября	357
Поездка в город	359

1997—2008

«Вот — пруд и дерево плакучее...»	363
«Малеевка, как нежно, грустно...»	363
Городской пейзаж	364
Изгнание ёлки	365
Видение розы	367
Предпоследний разговор с Булатом	372
«Девочка с персиками»	372
Воспоминание («От сна очнулись соловьи...»)	373
Отсутствие черёмухи	376
Скончание сирени	377
Пуговица в китайской чашке	379
Роза на окне	381
«О Латвия моя, не тот я, кто своею...»	382
«О Латвия моя, куда-то переносит...»	383
«Город-тартар, наущенье татар...»	384
Помысел о Прусте	384
Траурная гондола	385
Вишнёвый сад	386
Спас полунощный	387
Озябший гиацинт	388
Возле ёлки	
31 декабря: к ёлке	388

Ночь возле ёлки	390
Он и я	392
Ночь под Рождество	394
Святочные колядки	397
Окаём и луна	400
«Привёз паломник Иерусалима...»	402
«Я ровно в полночь зажигаю свечи...»	403
Прегрешения вольные и невольные	405
На мотив Икоса	407
Черёмуха моя	
I. «В той местности, откель купец Малеев...»	408
II. «Премьеры чад и блеск...»	409
III. «Воздумал май вернуться в март...»	412
IV. «Черёмухи моей ведро...»	414
Сны о Грузии	
Авелум. Отару Чиладзе	415
Я и ночь и Галактион	417
Памяти Симона Чиковани	420
Памяти Гии Маргвелашвили	424
Памяти Гурама Асатиани	427
Сакартвело	432
«День августа двадцать шестой...»	434
Умственные затруднения	
I. «Лежаний, прилежаний, послушаний...»	437
II. «Уж утро. За потачку Геркулеса...»	438
Блаженство бытия	
I. «Шесть дней небытия не суть нули...»	439
II. «На свете счастье есть. Нет солнца, нет мороза...»	446
Глубокий обморок	
I. В Боткинской больнице	447
II. Отступление о Битове	449
III. Послесловие к I	449
IV. Посвящение вослед	451
V. Сюжет	453
VI. Мгновенье бытия	455
VII. Отступление о Носсиде	456
VIII—IX. Прощание с капельницей	458
X. Больничные шутки и развлечения	461
XI. Возвращение	463
XII. Ночь до утра	465

XIII. Закрытие тетради	466
XIV. Невольные прегрешения в ночь на 25 декабря	467
XV. Жалобы пишущей ручки	469
XVI. Предпроводы ёлки	471
XVII. Послание	472
Хвойная хвороба	
I. «Мы знаем: счастья — нет, но где покой, где воля?..»	474
II. «Опускаем полгода. Сочтём юбилеем...»	475
III. «Июля первый день живописатель цвета...»	478
Пациент	
I. «Поутру, натравив кофеин на дремучесть...»	480
II. «Где поле зренья просит просветленья...»	482
III. «Спит дармоед, спят чашка и тарелка...»	483
IV. «Я с ним простилась. Он — не стал прощаться...»	486
V. «Сочинитель — не спячки, а скачки наездник...»	490
VI. «Смех без причины... — знаем, знаем!..»	491
VII. «Вы думаете: пациенту не с кем...»	493
VIII. «В больнице есть заманчиво бесплатный...»	494
IX. «Был майский день, шестнадцатый по счёту...»	496
X. Путешествие	499

Стихотворения к фильмам

Стихи к фильму «Венок сонетов»

Вступление	503
1. Чёрная плёнка	503
2. Полустанок	503
3. Памятник Пушкину. <i>Сонет первый</i>	503
4. Парк культуры. <i>Сонет второй</i>	504
5. Урок ботаники. <i>Сонет третий</i>	504
6. «Три сестры». <i>Сонет четвёртый</i>	505
7. Велосипеды на берегу моря. <i>Сонет пятый</i>	505
8. Смерть Артёма. <i>Сонет шестой</i>	506

Стихи к фильму «Луг зеленый»

Вступление	506
Город	506
Мастерская	507
Зелёный луг	508
Девушка	509
Город	510
Море	511
Скульптура	512

Зелёный луг	512
Художник	513
Монолог художника	513
Девушка	514
Город	514
Стихи к фильму «Спорт, спорт, спорт...»	
«Вот человек, который начал бег...»	515
«Ты — человек, ты — баловень природы...»	515

Стихотворения детям

Песенки для Ани и для других мальчиков и девочек	516
Описание удода	516
Поросёнок	517
Дождик	518

Посвящения и дарственные надписи

О том, чьё имя...	520
«Мной столько раз восславлен Битов...»	521
Андрею Битову	522
Ночное посвящение	522
Надпись на книге	523
«Причудливый бродит меж лип господин...»	524
«Мы — в доме, что воздвигли ЗЭКи...»	525
Экспромт в честь вечера Василия Аксёнова 11 января 1999 года	526
«Продолжить повелел... быть по сему, Володя...»	528
«Всё чаще голос твой...»	528
«Я возжигала в полночь две свечи...»	529
«Все знают, что великий Плучек...»	529
«Мой Дэдик! Всё же имя: Дэльвиг...»	530
Шутка для милого Дэдика в день его рождения	530
Юрию Росту	531
«Пишу — весь день, всю ночь, всё утро...»	532
«Считать я стала до восьми...»	533
Посвящение	533
«В реанимации туманной...»	535
Нежестокый романс	535
«Люблю, люблю! — при снегопаде...»	536
«Ход вам навстречу так плавлен...»	536

Экспромт Кобе Гурули	537
Посвящение Лулу	537
«Любовь моя, Ваш день рождения...»	538
Александр Моисеевичу Эскину	538
Благодарю тебя...	539
Посвящения Нани	
1. «Так я жила-была: не зная...»	540
2. «Не довольно ли нам пререкаться...»	541
3. «Из высшего мрака, из вечности грозной...»	542
4. «Дали жизни, прекрасно короткой...»	542
Козлёнок	543
«Крепнет и множится вихрь, обрывающий...»	544
«Не состязались. Но реванш...»	544
Рига	545
«Лакомка-неженка-Юрмала...»	546
«Любезный друг, мой милый Бух!..»	547
Асафу Михайловичу Мессереру	547
«Мне ль помышлять о примиренье...»	548
«Восславим дам, как Пушкин нам велел...»	549
«Средь роз в халате и в палате...»	549
Дарственная надпись на книге «Гряда камней»	550
Экспромт к открытию выставки, посвященной «Евгению Онегину» в Музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина	550
«Не надо! Никогда! — ни дома и ни сада...»	551
«Ночью подъехала к дому...»	552
Надпись на книге воспоминаний Сальвадора Дали для Людмилы Черновой	552
«Чемо Дэзик, чемо швило...»	553
«В саду дрозды перекликались...»	553
«Знаю: праздник будет завтра...»	554
Дарственная надпись на книге «Самые мои стихи»	554
«Глаза затравленной газели...»	555
Надпись на книге, подаренной вместе с подковой Ольге и Пьеру Морель	555
Дарственная надпись на книге «Однажды в декабре»	556
«Что — слова? Что — докучность премий?..»	557
В ночь на 21 декабря 1980 года	557
«Войнович в том, что он — Войнович...»	558

Ещё одно посвящение Владимиру Войновичу	558
Посвящение Ванечке Аксёнову	559
Шуточное послание к Галочке Емельяновой (и отчасти к ее брату Андрюше)	559
Носсиде	560
Роману Солнцеву	561
Фазилию Искандеру	561
Посвящения и дарственные надписи Борису Мессереру	
1. Подарок Боре в минуту гнева	562
2. Дарственная надпись на книге Анны Ахматовой «Poesie», Guanda	562
3. Дарственная надпись на книге «Fever»	563
4. Подарок Боре	564
5. Борису Мессереру	565
6. «Моих слепых движений поводырь...»	565
7. Боре	566
Праздное упражнениe	566
Посвящение дамам и господам, запечатлённым фотографом летом 1913 года в Н-ской губернии великой Российской империи	567

ПОЭМЫ

Озноб	573
Сказка о Дожде	577
Моя родословная	586
Приключение в антикварном магазине	605
Дачный роман	611
Стихи к симфониям Гектора Берлиоза	
Ромео и Джульетта	615
Фантастическая симфония	620
Памяти Аттилы Йожефа	627
Недуг	638
Наслаждения в Куоккале	645

РАССКАЗЫ

На сибирских дорогах	659
Бабушка	682
Много собак и Собака	692

ВОСПОМИНАНИЯ

Живое семицветье	717
Воспоминание о Грузии	718
Отрывок	719
Путешествие	720
«Мороз и солнце, день чудесный...»	720
«Прекратим эти речи на миг...»	722
Анна Каландадзе	725
О Евгении Винокурове	726
Счастливый дар	728
К читателю	730
Вероника Тушнова	730
Прощаясь с Павлом Григорьевичем Антокольским...	731
Порыв души и ума	732
Миг бытия	733
Не забыть	736
Вместо предисловия	740
Памяти великого артиста	742
Слово прощания	743
«Ревность по дому»	743
«Итальянцы в России»	744
«Наедине с тобою, брат...»	746
Лариса Шепитько	747
Посвящение	750
Послесловие к автобиографии Майи Плисецкой	751
Новый год и Майя	753
Дарующий радость	754
Вождь своей судьбы	756
Артист и поэт	757
Союз радости и печали	758
Несколько слов о Борисе Чичибабине	760
Склоняю голову	760
Нодар Думбалдзе	762
Памяти Александра Григорьевича Тышлера	763
Ваше величество женщина	766
Париж — Петушки — Москва	767
Памяти Венедикта Ерофеева	768
«Амадей и Вольфганг»	769

Борис Пастернак	769
Лицо и голос	770
День счастья	777
Динара Асанова	780
«Прощай, свободная стихия»	782
Час души	783
Посвящается Вам	786
Устройство личности	787
Алик Левин	788
«Когда Вы безвыходно печальны...»	789
Посвящение Сергею Довлатову	790
Поздравление журналу «Грани»	791
Всех обожаний бедствие огромно...	792
Розы для Анели	796
Возвращение Набокова	799
Среди долины ровныя...	819
Алфавитный указатель	828